

dialectology made by Hughes A., Trudgill P., Chambers J.K., Wells J.C., Makovsky M., Mutt O., Scopynzeva T., Shevchenko T. and others [3;1;14;15;6;16;17].

So, we can make such **conclusions** as: with greatly improved communications and increasing contacts the various forms of English spoken in the world are now influencing one another as never before. Many of the grammatical and lexical differences which characterize regional dialects are dying out as Standard English becomes more pervasive through the influence of newspapers, radio, television and other media. Nevertheless, people still retain a distinctive kind of pronunciation, i.e. they speak Standard English, but with a local accent. Alongside the gradual disappearance of the old regional dialects some new social dialects are beginning to emerge, especially in large industrial centers.

In recent years Australia has joined the United States as the predominant source of linguistic influence on British English. The relations between the two principal varieties of English (British and American English) are of particular importance for the future of the language. A unified and mutually intelligible British-American literary standard is already in existence. The relations between this British-American standard form of English and the new kinds of English emerging in the former British colonies in Africa, Asia and Caribbean area will give rise to a variety of exciting linguistic problems and developments in the decades that lie ahead.

REFERENCES

1. Chambers J.K., Trudgill P. *Dialectology*. – Cambridge Univ. Press, 1998. – 201 p.
2. Hudson R.R. *Sociolinguistics*. – 2 nd.edn. – Cambridge Univ. Press, 1996. – 279 p.
3. Hughes A., Trudgill P. *English accents and dialects: An introduction to social and regional variants of British English*. – 3d edn. – London, 1996. – 142 p.
4. Labov W. *Sociolinguistic Patterns*. – 11th edn. – Philadelphia, 1991. – 344 p.
5. Labov W. *Principles of linguistic change*. – Oxford: Blackwell, 1992. – 250 p.
6. Mutt O. *Social and Regional Varieties of Present-day English*. – Tartu State University, 1977. – 92 p.
7. Orton H. *The linguistic atlas of England*. – London: Croom Helm, 1978. – 228 p.
8. Orton H., Dieth E. *Survey of English dialects*. – Leeds, 1967. – Vol. 4. – 384 p.
9. Orton H., Wright N. *Word-Geography of England*. – London, 1973. – 350 p.
10. Trudgill P. *Dialect in contact*. – Oxford: Blackwell, 1986. – 174 p.
11. Trudgill P. *Introducing language and society*. – Penguin, 1992. – 79 p.
12. Trudgill P., Hannah J. *International English. A guide to varieties of Standard English*. – 3d edn. – London, New York: Arnold, 1994. – 156 p.
13. Wardhaugh R. *An Introduction to sociolinguistics*. – Oxford, 1986. – 380 p.
14. Wells J.C. *Accents of English*. – Camb. Univ. Press, 1982. – Vol.2. – 465 p.
15. Маковский М.М. *Английская диалектология. Современные английские территориальные диалекты Великобритании*. – М.: Высшая школа, 1980. – 210 с.
16. Скопинцева Т.С. *Территориальная вариативность английской интонации на британских островах (Экспериментально-фонетическое исследование на материале девяти территориальных типов британского произношения английского языка): Автореф. дисс. ... канд. филол. наук: 10.02.04. – М.: МГЛУ, 1995. – 22 с.*
17. Шевченко Т.И. *Социальная дифференциация английского произношения*. – М.: Высшая Школа, – 1990. – 144 с.

Присяник О. П.

СТРУКТУРА СОДЕРЖАНИЯ ТЕКСТА В ФУНКЦИОНАЛЬНОМ АСПЕКТЕ

В данной статье принимается функциональный подход, при котором текст рассматривается не как автономно существующее образование, а в связи с особенностями его восприятия, как единица коммуникативного акта АВТОР – ТЕКСТ – ЧИТАТЕЛЬ. Содержание текста представляется не как «заложенное» в нем раз и навсегда автором, а как формирующееся в сознании читателя в процессе восприятия текста. Содержание художественного текста, следовательно, рассматривается как сотворчество автора и читателя и не является постоянным [2, 3, 4]. Сказанное вовсе не означает, что содержание художественного текста понимается как «свободный полет мысли» читателя (и исследователя) и зависит лишь от личностных свойств реципиента, особенностей его тезауруса. Содержание текста одновременно и вариативно, и инвариантно. Инвариантность определяется, во-первых, устойчивостью, стабильностью воспринимаемой формы (материи) текста, во-вторых, очевидными совпадениями в тезаурусе реципиентов, обусловленными принадлежностью к одной лингвокультурной группе, общностью языка, исторической эпохи и т.д.

Восприятие текста, его осмысление – это воссоздание в сознании воспринимающих парадигматической структуры его единиц [5, с. 18-19]. В связи с этим представляется важным остановиться на статусе единиц, связи между которыми устанавливаются в ходе рецепции, что позволяет выделить лексические парадигмы. Для этого необходимо описать в целом структуру текста, рассматриваемого в функциональном аспекте.

Вопрос о форме и содержании текста относится к числу сложных и не получивших однозначного решения в науке. Не рассматривая его подробно, приведем лишь рабочие определения используемых в дальнейшем описании понятий.

Форма рассматривается в данной работе как материя текста, то есть определенная последовательность звуков или букв, воспринимаемая органами чувств. Отражение в сознании реципиента таких последовательностей называется вербальными образами. Вербальные образы связаны в сознании человека по законам данного языка (грамматическим и семантическим). Владея такими законами, человек может оперировать вербальными образами, не выходя за пределы языка. Конечно, такое оперирование вербальными образами не является полноценной коммуникацией, поскольку в процессе оперирования игнорируются связи слова с действительностью. На уровне оперирования вербальными образами так называемые «абсурдные» фразы типа ЗЕЛЕННЫЕ ИДЕИ БЕШЕНО СПЯТ (пример Л.В.Щербы) или КЕНТАВР ВЫПИЛ КРУГЛЫЙ КВАДРАТ (пример М.Н.Правдина) являются нормативными, то есть правильными с узкоязыковой точки зрения, с точки зрения законов оперирования вербальными образами внутри одной языковой системы. Иными словами, правильной на уровне оперирования вербальными образами является любая фраза, состоящая из реально существующих в данном языке слов, которые связаны друг с другом по законам данного языка [7]. Под законами языка понимаются в данном случае не только правила грамматики, но и правила лексико-фразеологической сочетаемости слов, допускающие сочетание ПОТУПИТЬ ГОЛОВУ, но не допускающие сочетания ПОТУПИТЬ ПИСЬМО В ЯЩИК.

Для того чтобы процесс речевой коммуникации был полноценным, в нем должны участвовать две системы: мышление и язык. Реципиент должен владеть двумя системами знаний: знаниями о мире (то есть о той области предметной действительности, которая описана в тексте) и знанием языка. Модель восприятия текста на двух уровнях его содержательной структуры, представляющаяся как механизм связывания языковых и мыслительных единиц в сознании воспринимающего, разработана в монографии И.И.Степанченко «Поэтический язык Сергея Есенина (анализ лексики)» [9]. Содержание текста в соответствии с этим представляет собой мыслительный процесс перехода от вербальных образов к другим вербальным и «предметным» образам, которые возбуждаются в мозгу реципиента при восприятии текста.

В тексте связи между вербальными образами определяются не только особенностями определенной языковой системы, но и связями между соответствующими «предметными» образами. Связи между «предметными» образами в сознании человека определяются не законами данного языка, а законами самого предметного мира, которые познаются человеком. «Предметные» образы формируются с помощью органов чувств и соответственно могут иметь различную модальность (быть зрительными, слуховыми, тактильными и т.д.).

Связи внутри систем вербальных и «предметных» образов не совпадают, т.е. системы не «накладываются» друг на друга, а достаточно сложно взаимодействуют [8, с. 194]. В сознании реципиента происходит формирование связей между текстом и действительностью, которые могут устанавливаться как на уровне образа (конкретный уровень), так и на уровне связей между образами (абстрактный уровень). В этом случае действуют два взаимосвязанных принципа отражения действительности в тексте. М.Н.Правдин выделяет два типа текстов: «текст-проекция» и текст, созданный по принципу «концептуальной карты». При восприятии текста типа «текст-проекция» чувственный образ оказывается как бы осью симметрии по отношению к тексту и отраженной в нем действительности. Эффект подобия текста типа «концептуальная карта» и отраженной в нем действительности возникает «не на уровне образа», а «на уровне понятия (на уровне абстракций)» [8, с. 191]. Однако М.Н.Правдин отмечает, что принцип «проекции» и принцип «концептуальной карты» действуют совместно, «и текст является результатом их совместного действия» [8, с. 194]. Такие тексты включают в себя общее начало, которое, варьируясь, «создает практически бесконечное разнообразие текстов» [8, с. 189]. Следовательно, удельный вес проективных и концептуальных элементов в стихотворениях определяет специфику функционирования и принадлежность текста к тому или иному типу: преимущественно проективному или преимущественно концептуальному. К примеру, к вербальным текстам проективного типа можно отнести стихотворение С.Есенина «Береза» [1, с. 29], представляющее собой описание березы, которая растет возле дома, в зимнюю пору. Авторский замысел определяется выбором объекта описания, с которым связаны определенные ассоциации. К вербальным текстам концептуального типа можно отнести стихотворение С.Есенина «Не жалею, не зову, не плачу» [1, с. 191], которое воспринимается, главным образом, на уровне понимания, внешний ряд «предметных» образов играет в нем менее значительную роль [9, с. 25].

Понятие в поэтическом тексте определяется как «предметными», так и вербальными образами, причем, как правило, не одним, а целым рядом, системой. Такой ряд вербальных образов может быть назван парадигмой.

Принципы выделения лексических микросистем (парадигм) при анализе поэтических текстов отличаются от принципов вычленения парадигм на языковом уровне (например, грамматических парадигм), так как в основе систематизации лежат иные закономерности. Парадигму образуют не слова, относящиеся к определенной языковой лексико-семантической группе (ЛСГ)¹ или синонимическому ряду и т. п., а языковые единицы, определяющие одно понятие или один поэтический образ в художественном тексте. Связи между этими единицами, а также между парадигмами определяются не языком, а процессом понимания текста. В принципе, они могут определяться и языком (грамматическими связями между отдельными членами парадигмы), но это частный случай, при котором противопоставление парадигматики синтагматике становится относительным.

Таким образом, основным принципом выделения парадигмы является существующее противоречие между линейно расположенными единицами текста и «реальными связями между этими элементами в речемыслительном процессе» [9, с. 32].

В тексте собственно языковые связи и образно-понятийные связи сложно взаимодействуют между собой. С одной стороны, восприятие текста, прежде всего, происходит на языковом уровне, поскольку предметом восприятия являются последовательности звуковых или буквенных единиц, связанные друг с другом по законам данного языка.

Восприятие текста на языковом уровне является по преимуществу синтагматическим, поскольку связи, устанавливаемые между единицами, носят линейный характер.

Восприятие же текста на образно-понятийном уровне носит более сложный характер. В рамках принятой в исследовании разновидности функционального подхода в одну систему включаются единицы, не связанные между собой на языковом уровне, поскольку законы, лежащие в основе формирования парадигмы, иные, не являющиеся собственно языковыми.

На образно-понятийном уровне могут быть связаны между собой слова (или более крупные языковые единицы), находящиеся, например, в конце и в начале текста. В состав одной парадигмы могут быть включены и слова, связанные синтагматически. Чем большее количество таких связей будет установлено реципиентом, тем более глубоким является понимание данного текста. При этом реципиент «создает» свое содержание текста, воспринимая так или иначе организованную автором материальную форму. Поэтому ошибочным было бы считать, что формирующееся в сознании воспринимающего содержание никак не связано с авторским замыслом, ибо одни и те же слова у автора и читателя вызывают сходную, но в то же время не совпадающую полностью реакцию. При этом степень расхождения авторских и читательских ассоциаций зависит не только от личностных качеств писателя и реципиента, но и во многом от сложности организации формы текста.

Литература

1. Есенин С. Стихотворения. Поэмы. / Сост и вступит. статья А.Козловского. – М.: Худож. лит., 1982. – 479 с.
2. Жабницкая Л.Г. Восприятие художественной литературы и личность. – Кишинев: Штиинца, 1974. – 134 с.

3. Жабицкая Л.Г. О психологическом подходе в исследовании восприятия художественной литературы // Проблемы социологии и психологии чтения. – М.: Книга, 1975. – С. 72-121.
4. Малинина В.И. Психология восприятия художественной литературы. – Челябинск, 1986. – 88 с.
5. Молчанова Г.Г. Семантика художественного текста: имплицитивные аспекты коммуникации / Ташк. гос. пед. ин-т иностр. яз. им. Ф.Энгельса. – Ташкент: Фан, 1988. – 162 с.
6. Новиков Л.А. Семантика русского языка. – М.: Высшая школа, 1982. – 272 с.
7. Правдин М.Н. Анализ содержательной структуры текста // Сб. научн. трудов / МГНИИЯ им. М. Горького. – М., 1976. – Вып. 103. – С. 91-102.
8. Правдин М.Н. Проблема конкретного и абстрактного в мышлении и языке. – М.: Вдохновение, 1991. – 230 с.
9. Степанченко И.И. Поэтический язык Сергея Есенина: анализ лексики. – Харьков: ХГПИ, 1991. – 189 с.

Примечания

¹Лексико-семантическая группа – это «единицы одной части речи», имеющие общую классификационную сему [6, с. 83].

Проценко И. Ю.

СРАВНИТЕЛЬНО-ФУНКЦИОНАЛЬНАЯ СЕМАНТИКА ОЦЕНКИ (НА МАТЕРИАЛЕ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ ИСПАНСКОГО И УКРАИНСКОГО ЯЗЫКОВ, ОБОЗНАЧАЮЩИХ ФИЗИЧЕСКИЕ НАДОСТАТКИ ЧЕЛОВЕКА)

Языковые средства, выражающие отношение человека к окружающей действительности, часто включают в себя оценку. Философы разных эпох (Аристотель, Платон, Т. Гоббс, Дж. Локк, Б. Спиноза, Д. Юм, И. Кант, Дж. С. Милль) исследовали категорию ценности и ценностных ориентаций, главным образом, в логике и аксиологии. Но все чаще проявляется интерес к оценке как категории филологической, что подтверждается в работах А. А. Потемни, Н. Д. Арутюновой, И. Я. Франко и др. Т. Космеда, анализируя историю вопроса, подходит к проблеме с точки зрения аксиологической прагмалингвистики [6]. Е.М. Вольф обобщила опыт, накопленный лингвистами, и предложила методологию исследования оценки как семантического понятия, в первую очередь, в плане функциональном [3]. Проведенные исследования осуществлялись, как правило, на материале имен прилагательных и синтаксических конструкций различного уровня.

Целью данной работы является попытка применить методологию Е.М. Вольф для характеристики функциональной семантики оценки имен существительных, называющих человека, имеющего физические недостатки. Мотивацией для выбора темы послужило то, что при выполнении номинативной функции существительное со значением «физический недостаток человека» обязательно переходит в разряд оценочной лексики (как правило, со знаком «-»). Понятно, что уродство вызывает отрицательные эмоции, в отличие от «обычной» внешности, которая воспринимается как норма. Можно сказать, что лексемы, обозначающие физические недостатки, «запрограммированы» на оценку. Е.М. Вольф считает, что, хотя аксиологический оператор имеет два значения «+» и «-» («хорошо» и «плохо»), в лингвистических описаниях, как и в логико-филологических, исследуется обычно лишь положительный оператор («хорошо»), а отрицательный («плохо») остается в тени [3, с. 9]. Попытаемся проникнуть в глубину этой тени, проанализировав лексемы с указанным выше значением на материале имен существительных испанского и украинского языков.

Универсальные параметры оценки «хорошо»/«плохо» существуют в любом языке, но в каждом из них выражаются по-своему. В этом проявляются индивидуальные особенности языка, связанные со следующими факторами.

1. Национальная мифология и фольклор. Здесь речь идет о появлении, развитии и современном переосмыслении персонажей произведений народного творчества и мифов, отражающих первичное восприятие мироздания. Использование этих средств для характеристики человека и его внешности осуществляется посредством метафорических или метонимических транспозиций. Например, в славянской мифологии змей всегда ассоциировался с чем-то злым и, что важно для нас, уродливым. Поэтому в современном украинском языке лексемы **змії** (**змія**) и **дракон**, обозначая человека *безжалостного, жестокого* [2, с. 246], чаще всего употребляются с дополнительно приписываемыми физическими недостатками (чаще вымышленными): *«до його кралася змія Крилатая, з сім'ю главами, З хвостом в верству, страшна, з рогами»* [8, с. 466]. Но в странах Латинской Америки змей, наоборот, почитался как один из верховных богов. Так Пернатый Змей по имени Кецалькоатль, воспринимался майя-тольтеками как человекоподобное существо, поражающее всех своей прекрасной внешностью – он был высокий, крепкого телосложения [7, с. 28]. Таким образом, человек, являясь частью определенного этноса, живет в своей символической вселенной, которую описывают согласно своим законам, используя свою национальную систему символических координат.

2. Национальное восприятие «нормальной» внешности. Известно, что коренной житель Анд – небольшого роста, коренастый, с узкими глазами и, чаще всего, с короткими по отношению к туловищу ногами (что является нормой для его территории проживания). Для европейца это не может быть эталоном красоты. Мы воспринимаем его как человека с физическими недостатками и, например, в разговорном украинском языке могли бы назвать его **коротай** [2, с. 456]. В свою очередь, латиноамериканец, глядя на крепкого, статного славянина, скажет о нем – **bimba** – *верзила* [4, с. 110].

3. Влияние искусства и средств массовой информации. Для характеристики данного фактора достаточно вспомнить эталоны красоты разных эпох. Например, человек, который казался красивым Рембрандту, сейчас может быть назван в разговорном регистре украинского языка **товстуля** [2, с. 1252], а в испанском **petacóna** от слова **petaca** – *сундук* [12, с. 653]. И наоборот, тот, кто в эпоху Сервантеса определялся словосочетанием **seco de carnes** [11, с. 15] – *высохшее мясо* (речь идет об описании внешности сеньора Кихоте), в современном мире является эталоном красоты на подиуме.

Таким образом, для описания внешности человека, в частности, его физических недостатков, в каждом языке существует свой стереотип, который определяется вышеупомянутыми факторами. Но, независимо от них, нормой внешности для любого общества может быть только здоровый человек. В.М. Богуславский называет это «презумпцией восприятия человека как цельного объекта». Здоровый человек – это эталон, а